

В.М. Хомич

директор НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь; доктор юридических наук, профессор

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕВОЗМОЖНО БЕЗ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВИДОВ НАКАЗАНИЯ

Постоянные реформации, которым подвергается сравнительно не так давно принятый и вступивший в действие Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее - УК). Касается это и системы уголовных санкций, совершенствование которой, конечно же, необходимо, прежде всего, чтобы *на деле* обеспечить экономию социальных, материальных и уголовно-процессуальных ресурсов судебной-наказательной и уголовно-исполнительной деятельности *при безусловном обеспечении безопасности общества, граждан и государства*. Ожидаема реализация именно такого направления в деятельности всех системных образований уголовной юстиции. Как справедливо заметил Председатель Верховного Суда Республики Беларусь накануне обсуждения на Пленуме проблемы оптимизации применения наказания в виде лишения свободы: «Есть мировые тенденции в уголовном праве, в подходах к наказанию, которые мы не можем не учитывать».

Многолетние дискуссии по этим вопросам обычно сводятся к предложениям о необходимости существенного сокращения применения лишения свободы. Против этого сегодня уже никто не возражает. Вопрос заключается лишь в том, как и за счет каких иных наказаний и мер уголовной ответственности этого можно достичь, сохраняя необходимый уровень контроля над преступностью и обеспечивая должную безопасность граждан, общества и государства от преступных посягательств. Ни одно государство сегодня пока не отказалось и вряд ли когда откажется от изоляционных видов наказания в отношении лиц, которые по характеру совершенных преступлений представляют серьезную опасность для общества и граждан.

Тем не менее, проблемы в осуществлении уголовной политики в области применения уголовных санкций в рамках действующего законодательства существуют. Обусловленность этих проблем многопланова и их преодоление возможно на основе комплексных, системно-согласованных решений социального, правового, организационного характера. Стратегически проблема обозначена и заключается в оптимизации системы уголовных санкций и их рациональном применении. Выступая 25 марта 2008 г. на совещании судей республики, Президент сказал буквально следующее: «Нам необходимо искать новые возможности для совершенствования уголовной ответственности и ее оптимизации. Пришло время проявлять более взвешенный подход к применению такого вида наказания, как лишение свободы. Его удельный вес хотя и сокращается, но все же остается неоправданно высоким».

Необходимость наказания в виде **лишения свободы**, даже в условиях стабилизированной преступности, очевидна и определяется тем, что оно позволяет изолировать от общества наиболее опасных преступников в целях частного и общего предупреждения преступлений.

Кроме того, лишение свободы выступает в качестве основного показателя (критерия) опасности преступного деяния, высшей мерой его публичного осуждения со стороны общества и государства. Наказание лишением свободы уже только **в качестве угрозы его применения** за нарушение уголовного запрета выполняет функцию охраны общества от преступных посягательств посредством общего предупреждения (сдерживания). Однако **в реальных практиках** (при осуществлении правосудия по конкретным уголовным делам) лишение свободы все-таки должно назначаться преимущественно в отношении преступников, **потенциально представляющих опасность** для общества в случае их оставления на свободе, а не только в связи с уголовно-правовой (законодательной) оценкой общественной опасности совершенного преступного деяния. Практика дифференциации применения уголовных санкций, установленных законом за совершение соответствующих преступлений, должна быть сориентирована на эффективное предупредительно-исправительное воздействие в отношении конкретного правонарушителя. Правовые основы для подобной оптимизации применения удерживающих факторов наказания в виде лишения свободы имеются - это и различные формы условного неприменения лишения свободы по системе контролируемой испытательной саморесоциализации (ст.ст. 77 и 78 УК), и институт назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ст. 70 УК). К сожалению, технология рационально-дифференцированного применения указанных форм оптимизации и сокращения реального лишения свободы пока должным образом не освоена отечественным правосудием.

Уровень лишения свободы, конечно же, должен снижаться, но за счет, во-первых, адекватного применения адаптированных современным условиям и возможностям эффективного исполнения видов наказания (имеется в виду наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества), а равно иных мер уголовной ответственности и, во-вторых, посредством совершенствования **порядка исполнения лишения свободы** на основе введения так называемых **полуоткрытых и открытых форм его отбывания**. Это более рациональный и социально-закономерный путь поддержания необходимого карательного и предупредительного потенциала лишения свободы. Сокращение применения лишения свободы путем перехода к практике назначения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, но размытых по своему карательному содержанию и неадаптированных в отношении определенных категорий правонарушителей вследствие их антиобщественной распушенности и очевидного злоупотребления форматом свободного общества и человека ослабляет реализацию как общей, так и частной предупредительной функций системы уголовных санкций.

Реформирование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства (1993-1999 г.г.), прежде всего, было сориентировано на прогнозируемое расширение применения альтернативных реальному лишению свободы мер (не наказания) уголовной ответственности в отношении лиц, вступивших в конфликт с уголовным законом, при реализации которых сохраняется угрожающий потенциала лишения свободы в качестве обеспечительного и воздействующего фактора.

Однако уголовно-судебная политика оставалась и остается традиционно сдержанной в отношении реализации указанных тенденций и моделей применения уголовных санкций. Поэтому пока и не удастся стабилизировать карательную политику на основе рационального и эффективного снижения уровня лишения свободы даже за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности, и менее тяжких преступлений посредством назначения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, равно как и альтернативных лишению свободы иных мер уголовной ответственности.

Конечно, основная причина - завышенный общий карательный уровень наказуемости большинства преступных деяний, чрезмерно большие сроки лишения свободы, особенно при назначении данного наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров (по сравнению с УК 1960 г.). В 2008 г. в исправительных колониях содержалось уже более 6 тыс. осужденных, которым данное наказание было назначено на срок свыше 10 лет, из них более 2 тыс. - на срок свыше 15 лет (16 % от всех осужденных, отбывающих данное наказание; в 2000 г. таких осужденных было не более 4 тыс. (8,4 %)). За последние шесть лет средний срок лишения свободы, приходящийся на одного осужденного, возрос с 6 до 8,8 лет для мужчин и с 4,6 до 5,8 лет для женщин.

На этом уголовно-правовом фоне сохраняется и поддерживается устойчиво карательный (пенитенциарный) уклон судебной практики и правосудия по уголовным делам. Подтверждением тому является практика преимущественного назначения наказания в виде лишения свободы за преступления, не являющиеся тяжкими.

Так, в 2002 г. из 19 031 осужденных к лишению свободы 1 791 осуждены к данной мере наказания за совершение *преступлений, не представляющих большой общественной опасности*, и 6 290 - за *менее тяжкие преступления*; в 2003 г. из 20 599 осужденных к лишению свободы - соответственно 1 966 и 8 325; в 2004 г. из 20 033 осужденных к лишению свободы - 979 и 11 615; в 2005 г. из 19 999 осужденных к лишению свободы - соответственно 773 и 11 414; в 2006 г. из 18 495 осужденных к лишению свободы - соответственно 197 и 10 868; в 2007 г. из 18 082 осужденных к лишению свободы - соответственно 241 и 10 981; в 2008 г. из 15 467 осужденных к лишению свободы - соответственно 257 и 9 445. Таким образом, более 50 % лишенных свободы - это лица, осужденные за совершение ***не тяжких преступлений***. Ради справедливости следует указать, что значительная доля лиц, осужденных за совершение менее тяжких преступлений

к лишению свободы, это лица, допустившие квалификационный рецидив преступлений. Большинство из них отбывают в исправительных колониях для лиц, ранее отбывавших лишение свободы. Именно вследствие этого средний срок лишения свободы в указанных колониях ниже, чем в исправительных колониях для лиц впервые отбывающих лишение свободы. Возможно, эта категория осужденных и имеет больший криминально-пенитенциарный опыт, но согласиться с тем, что это более опасные и криминально запущенные осужденные, чем те, которые отбывают лишение свободы в колониях для лиц впервые отбывающих лишение свободы однозначно нельзя.

Вследствие указанных причин лишение свободы постепенно утрачивает свойство **радикальной** кары и средства изоляции от общества действительно опасных преступников. Существенно снижаются факторы, предопределяющие эффективность специального предупреждения преступлений посредством изоляции правонарушителей от общества, поскольку повсеместно происходит освобождение от отбывания лишения свободы по амнистии (проводятся, как правило, ежегодно), или вследствие условно-досрочного освобождения, которые также утрачивают свойство **исключительности**. Применяются указанные виды освобождения от наказания без достаточной исправительно-предупредительной подготовки и обоснования, опять же ради **высвобождения мест** для последующего применения лишения свободы в отношении новых и «старых» осужденных (*более 42 % осужденных, отбывающих ныне лишение свободы, ранее уже осуждались и отбывали данное наказание, из них более 25 % - неоднократно; при этом более 60 % из них ранее осуждались к лишению свободы за нетяжкие преступления*).

Так, в соответствии с требованиями уголовного закона условно-досрочное освобождение может быть применено судом только при условии, что осужденный (отбывающий наказание) **доказал** свое **исправление**. Между тем, около 10,8 % условно-досрочно освобожденных из исправительных колоний совершают умышленное преступление еще в течение неотбытой части срока лишения свободы. Если сюда добавить условно-досрочно освобожденных, которые совершают преступление после истечения неотбытой части наказания, но до погашения судимости, то это еще (примерно) 15 %.

Нерациональность, а самое главное, - огромные социальные издержки такого «расточительного» применения лишения свободы (его назначения и последующего освобождения) - вызывают **необходимость оптимизации сроков лишения свободы** в таких пределах, когда лишение свободы на определенный срок будет восприниматься преступником как **осознаваемо-эффективное страдание** за совершенное преступление и не приведет к необратимому психическому привыканию к жизни в условиях изоляции от общества, да еще и в среде себе подобных преступников-осужденных. При таком подходе определенный судом срок лишения свободы не следует корректировать - осужденный должен отбыть наказание полностью и до конца. Институт условно-досрочного освобождения от наказания в виде лишения свободы должен применяться в исключительных случаях, а основания и условия его применения должны быть изменены (*для условно-досрочного*

освобождения необходимо отбыть во всех случаях не менее трех четвертей срока наказания, в обязательном порядке трудоустроиться и работать или выполнять посильные общественные работы).

По общему правилу, следует исключить (или существенно ограничить) применение условно-досрочного освобождения от таких наказаний как арест, исправительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Это повысит карательно-предупредительный потенциал этих видов наказания по отношению к лишению свободы.

Социальные издержки функционирования пенитенциарных систем объективно вывели уголовно-правовую доктрину на необходимость социальной переориентации взглядов на цели применения наказания с проблем исправления на осуществление задачи безболезненного вхождения осужденных в социальные формы жизнедеятельности, особенно после отбытия наказания в виде лишения свободы. Сегодня преобладающим в пенитенциарной науке является положение, что исполнение наказания в виде лишения свободы должно быть ориентировано **не на исправление**, а на ресоциализацию и/или дополнительную социализацию в формате свободного общества и установленного правопорядка.

По мнению Ф.Р. Сундурова, идея ресоциализации осужденных фактически выступает в качестве одной из концептуальных основ не только уголовно-исполнительной, но и уголовной политики в целом, которая предполагает необходимость рассмотрения и оценки эффективности системы уголовно-правового воздействия с позиций их ресоциализационного эффекта.

Если провозглашаемая до сих пор система социализации личности осужденного предполагала формирование личности путем привития ей определённых шаблонов поведения, гарантировавших ее самостоятельность лишь в определенных рамках, то ныне необходимо говорить о его подготовке к жизнедеятельности в условиях свободного общества, его полноценной социальной адаптации и ресоциализации. Вполне понятно, что новые требования должны предъявляться и к уголовно-правовой, и к уголовно-исполнительной политике (системе видов наказания и практике их исполнения), и к основаниям и условиям применения досрочного освобождения от наказания.

При этом должна возрастать и реально осуществляться социально-восстановительная функция уголовной ответственности - понимание того, что для общества очень важно добиваться рационального применения не только санкций возмездно-ресоциализационного характера, но и при этом обеспечивать усилиями виновного максимально возможное возмещение причиненного преступлением вреда.

Есть основания полагать, что наказание (различные виды наказаний) в большинстве случаев оказывает удерживающее воздействие. При этом традиционно утверждается, что удерживающее воздействие наказания увеличивается по мере усиления его суровости. Но это далеко не так, особенно в условиях современного развития общественных и государственных систем и

устройства человеческого бытия, резкого усиления материально-ценностных потребностей в мотивации поведения людей и их активности.

Поэтому вопрос, насколько эффективна действующая система видов наказания с точки зрения ресоциализационных задач уголовной политики, не является риторическим. Позволяет ли действующая система видов наказания проводить более взвешенную и эффективную карательную политику противодействия преступности, в том числе в аспекте желательного снижения применения лишения свободы посредством назначения иных наказаний, которые, подавляя (удерживая) асоциальные устремления виновного, одновременно стимулировали бы осужденных к соблюдению требований правопорядка.

Вопрос, прежде всего, касается эффективности действующей системы видов наказаний (*их избыточности или достаточности, согласованности, адаптированности социальным условиям, отсутствия или наличия социальных и организационных ресурсов для обеспечения их исполнения*), а также совершенства проводимой карательной политики в аспекте индивидуализации наказания при его назначении судом.

Не является нормальным (как с точки зрения содержания наказания, так и его назначения (с учетом реализации принципа индивидуализации), когда **четверть лиц**, осужденных к таким наказаниям как ограничение свободы и исправительные работы, уклоняются от соблюдения очевидно не строгих требований режима отбывания этих наказаний, а уголовно-исполнительные органы (учреждения) не в состоянии в принудительном порядке обеспечить исполнение наказания ничем иным как путем привлечения к уголовной ответственности таких осужденных. Или штраф не применяется судами только потому, что у осуждаемых нет достаточных средств (денежных) и имущества, на которые может быть обращено взыскание по штрафу, даже в тех случаях, когда это было бы вполне справедливым и приемлемым для общества и государства наказанием правонарушителя. Общественные работы суд не назначает, потому что нет надлежащего организационного обеспечения их исполнения.

В 2008 г. осужденными в период отбывания наказания совершено 16 572 преступления (в 2007 г. - 15 178 преступлений). Это преимущественно - осужденные, отбывающие наказание в виде исправительных работ и ограничения свободы. Как следствие, отмечает И. Шкатуло, безопасность общества от новых преступных посягательств этой категории осужденных не была обеспечена в период отбывания наказания.

Казалось бы, столь большое видовое разнообразие наказаний (при этом в статусе основных), которые предусматривает УК Беларуси (всего 9, не считая специальных наказаний для военнослужащих), должно было послужить серьезным аргументом для переосмысления практики назначения наказания в аспекте более глубокой и социально ориентированной индивидуализации. Но этого не произошло. В конечном итоге снижение уровня лишения свободы было достигнуто за счет большего применения наказания в виде ограничения свободы. Так, если в 2006 г. ограничение свободы было назначено 11 266

осужденным, то уже в 2007 г. (после введения ограничения свободы без направления осужденного в исправительное учреждение открытого типа) - 15 864 осужденным (22,3 % от числа всех осужденных), в 2008 г. - 17 436 осужденным (25,4 %). Количество осужденных к наказанию в виде ограничения свободы в 2008 г. превысило в абсолютных числах число лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы (15 467 - 22,6 %). В среднем более 60 % осуждаемым к ограничению свободы данное наказание назначается без направления осужденного в исправительное учреждение открытого типа. Тенденция обнадеживающая, если ее рассматривать только в контексте очевидного сокращения применения лишения свободы. Однако расширение применения ограничения свободы и особенно без направления осужденных в исправительное учреждение открытого типа (скажем прямо, вместо лишения свободы), ослабило действие карательных факторов обоих видов наказания в реализации целей уголовной ответственности.

Наказание ограничением свободы в силу размытости карательных свойств, их неувязки с личностными свойствами преступников-осужденных, которым оно назначается, отсутствия должной системы организации исполнения и надзора за осужденными не стало серьезным сдерживающим фактором преступности и ресоциализации правонарушителей. Слабый предупредительный и исправительный эффект исполнения данного наказания (в принципе, в условиях нахождения осужденного на свободе), особенно в отношении преступников с устойчивыми асоциальными установками, да еще на фоне злоупотребления алкоголем, очевиден. Конечно, наказание ограничением свободы приемлемо для преступников, которые обладают устойчивой мотивацией на социальную реабилитацию, возвращение к нормальным условиям жизни, несмотря на совершенное преступление, и воспринимают кару ограничением их свободы в качестве серьезного сдерживающего фактора. К сожалению, более 30 % осужденных, отбывающих ограничение свободы, в силу антиобщественных склонностей и потребностей не воспринимают кару ограничением свободы в качестве серьезного карательно-предупредительного фактора, ориентируясь на то, что главным ущемлением их прав является принудительная организация и использование их труда.

Аналогичная оценка и такого традиционного наказания как исправительные работы. Высокая степень эффективности данного наказания в советское время обеспечивалась всеобщей обязанностью трудиться в рамках организованной государственной системы занятости - альтернативных источников жизни и социального устройства не было и не могло быть. Теперь ситуация изменилась, отсюда и проблемы в организации и обеспечении исполнения и отбывания исправительных работ.

Конечно, рассматривать эффективность воздействия исполненного наказания в аспекте одного лишь удержания непозволительно, ибо наказание может изменять преступника в лучшую или худшую сторону совершенно независимо от того, оказывает оно или не оказывает сдерживающего воздействия. Но очевидно, что введение в ходе реформы новых видов наказания и сохранение традиционных не привело к улучшению карательно-

исправительных начал в уголовной политике. Согласованность наказаний по степени тяжести кары и ее соответствие (ее соотнесение) тяжести преступления (что закреплено в санкциях статей Особенной части УК) - это всего лишь **исходное начало** законности при осуществлении правосудия по уголовным делам.

Если государство намерено получить исправительно-предупредительный эффект от применения того или иного наказания, то следует учитывать, что каждое наказание имеет, помимо прочего, свой карательно-исправительный ресурс (или предел), а также рассчитано и социально ориентировано на определенную категорию правонарушителей. Это предполагает более строгую и практическую увязку назначения наказания с принципом его индивидуализации и возможностями общесоциального контроля правонарушителей, подвергнутых ответственности посредством применения соответствующего наказания.

Нет сомнений, что назначаемое судами наказание соответствует санкции статьи (назначается в пределах санкции) Особенной части УК, предусматривающей ответственность за совершенное преступление, и, в принципе, соответствует и тяжести совершенного преступления. Проблема заключается в том, что годами складывающаяся судебная практика исходила, главным образом, из принципа законности и возмездно-карательных начал при применении уголовных санкций. В общем-то это правильное требование общих начал назначения наказания, но, будучи возведенным в абсолюте, оно привело к тому, что принцип индивидуализации (он, все-таки, нацелен на ресоциализационный (а сейчас и на восстановительный) эффект применения наказания) повсеместно стал трактоваться только в аспекте **соответствия назначаемого наказания характеру и опасности совершенного преступления**, а также, в какой-то мере, - обстоятельствам, отягчающим и смягчающим ответственность виновного. При назначении наказания менее всего учитываются прогностические факторы (обстоятельства), указывающие на возможность виновного вернуться к нормальным условиям социальной жизни после отбытия назначенного наказания. При таком алгоритме применения наказания, хотя и назначается в рамках закона, **но достаточно произвольно**, поскольку, преследуя возмездно-карательную цель, оно определяется при очевидном формальном учете личности виновного на возможность достижения соответствующих целей уголовной ответственности в аспекте перспектив (рисков) возвращения (невозвращения) осужденного к нормальным условиям социальной жизни. В этом основная причина негативного влияния практики назначения, исполнения и освобождения от наказания на динамику рецидива и предупреждение преступности.

Выход из создавшейся кризисной ситуации в оптимизации практики индивидуализации видов наказания при осуществлении правосудия по уголовным делам, назначении таких наказаний, которые являются наиболее и карательными, и ресоциализирующими для конкретного преступника. Только при реализации таковой практики индивидуализации наказания при его назначении, в том числе с использованием института смягчения наказания (ст.

70 УК), учитывая завышенный карательный уровень санкций, можно рационально и социально экономно использовать карательный потенциал и лишения свободы, и ограничения свободы, и исправительных работ, равно как и других наказаний.

В аспекте данного предложения следует обратить внимание на опыт зарубежных государств относительно внедрения социально ориентированных практик индивидуализации наказания посредством представления суду специально-подготовленного заключения, содержащего предложения о целесообразности применения виновному той или иной меры уголовно-правового воздействия на основе прогнозно-оценочной характеристики социально-ролевых качеств виновного и допустимых (возможных) рисков в процессе его реабилитации. Максимально продуктивное решение этой задачи возможно только тогда, когда эта функция будет возложена на службу пробации как организационно оформленное образование уголовно-исполнительной системы. Специфика этого подразделения заключается в том, что оно функционально, предметно и, самое главное, комплексно отвечает за исполнительный аспект применения тех наказаний и мер уголовной ответственности, которые не связаны с изоляцией виновного (осужденного) от общества. Отбор такого рода осужденных должен начинаться до передачи дела виновного в суд и аккумулироваться в представлении службой пробации суду досудебного доклада, содержащего рекомендации относительно избрания виновному соответствующей меры уголовной ответственности на основе вероятностных оценок и прогнозов (рисков) его социальной реабилитации. Сегодня такая увязка правосудия по уголовным делам (практики индивидуализации наказания и иных мер уголовной ответственности) и уголовно-исполнительных практик - один из самых удачных проектов в области оптимизации применения уголовных санкций, не связанных с реальным применением лишения свободы, который успешно реализуется во многих европейских государствах. Мы имели возможность убедиться в этом на примере деятельности службы пробации Латвии, где она создана не так давно.

Не все виды наказания сегодня по своим карательным свойствам адаптированы к социальным возможностям контролировать и удерживать (предупреждать) криминогенную распущенность с учетом личностной типологии преступности и преступлений, а тем более успешно содействовать социальному исправлению правонарушителей.

Проблематичен карательный и исправительно-трудовой потенциал наказания в виде **ограничения свободы**. Наказание ограничением свободы предусматривалось как промежуточное между лишением свободы и исправительными работами посредством кары в виде направления осужденного на установленный судом срок в **места обязательного привлечения к труду**, где он должен был находиться под надзором органов, ведающих исполнением наказания, и не мог без разрешения этого органа покидать пределы места отбывания наказания. В принципе, суть этого наказания не была нова. По своим ограничениям и организационно-правовому режиму исполнения это не что иное, как закрепление бывшего условного осуждения к лишению свободы с

обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 23-1 УК 1960 г.) в качестве самостоятельного вида наказания (ограничения свободы).

Адекватная оценка карательной стороны ограничения свободы как самостоятельного наказания связана с качественной характеристикой сущности и объема кары, которая заключается в факте принудительного удаления осужденного из места его жительства и контролируемого удержания по месту обязательного привлечения к труду в специальном учреждении открытого типа. Осужденный пребывает в пределах границ исправительного учреждения открытого типа и проживает в специально оборудованном общежитии, которое не должен покидать в свободное от работы время без разрешения администрации учреждения. В сравнительном отношении ограничение свободы имеет больше сходства с так называемыми открытыми формами исполнения лишения свободы. Так, если сравнивать отбывание лишения свободы в исправительной колонии-поселении с отбыванием ограничения свободы в исправительном учреждении открытого типа, то очевидно, что разница между режимом отбывания лишения свободы и режимом отбывания ограничения свободы в исправительном учреждении открытого типа не более чем условная. Между тем, в правовых последствиях осуждения к этим наказаниям разница существенная. Конечно, в целях обособления этих наказаний можно еще больше ослабить карательные элементы ограничения свободы, однако практика исполнения ограничения свободы свидетельствует, что резервы такого совершенствования исчерпаны или, по крайней мере, непродуктивны. Кроме того, необходимые режимные условия исполнения ограничения свободы могут быть обеспечены только при надлежаще организованных и контролируемых формах трудоустройства осужденных.

Ограничение свободы по рейтингу строгости было рассчитано и на применение в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления. И в этом смысле оно должно было стать определенного рода альтернативой лишению свободы. Проблема, однако, состояла в том, как организовать надлежащий надзор за осужденными по месту отбывания данного наказания, учитывая ограниченный спрос в трудовых ресурсах по месту нахождения исправительного учреждения и очевидную проблематичность надзора за достаточно пестрой и неоднозначной категорией осужденных, пребывающих для отбывания ограничения свободы. Поэтому кризисные явления с организацией исполнения наказания в виде ограничения свободы начали возникать уже с самого начала его применения.

Исполнение наказания в виде ограничения свободы возложено на исправительные учреждения открытого типа. Указанные образования с большой долей условности можно назвать *учреждениями*, поскольку организационно они функционируют в виде администраций (по аналогии прежних специальных комендатур), которые и должны обеспечить принудительное пребывание осужденных вне места их жительства, а по месту обязательного привлечения к труду, а также надзор за ними в течение всего срока отбывания наказания. Осужденные на время отбывания наказания прописываются по месту нахождения администрации исправительного

учреждения открытого типа и не могут без разрешения администрации покидать границы территории места привлечения к труду (условно границы данного исправительного учреждения), которые определяются в установленном порядке. Оказалось, что основная задача обеспечения исполнения наказания в виде ограничения свободы, состоящая в том, чтобы прописанные к определенному исправительному учреждению открытого типа осужденные работали компактно на производствах или работах, приближенных к месту расположения администрации учреждения, оказалась трудно выполнимой (если не более). В большинстве случаев осужденные стали распределяться на работы, значительно отдаленные от места дислокации администрации учреждения и фактически находились вне надзора, который в таких случаях возлагался на службу участковых инспекторов.

Учитывая объективные трудности в организации труда лиц, осужденных к ограничению свободы, начиная с середины 2003 г. стало практиковаться отбывание ограничения свободы на дому. Такие осужденные трудоустраивались по месту жительства, как правило, самостоятельно. Одновременно была поставлена задача возможного реформирования данного наказания. Предлагалось закрепить два вида ограничения свободы: с направлением в исправительное учреждение открытого типа и без направления в такое учреждение, то есть с отбыванием ограничения свободы на дому по месту жительства. Законом Республики Беларусь от 9 июня 2006 г. № 12-З¹ такие изменения и дополнения были внесены в статью 55 УК и, соответственно, в Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь (далее - УИК). Ныне УК предусматривает два вида наказания ограничением свободы: с удалением осужденного из места его жительства и направлением в исправительное учреждение открытого типа и без направления осужденного в исправительное учреждение открытого типа (в условиях его пребывания по месту жительства в режиме ограничений свободы, предусмотренных ст. 48¹ УИК). Немаловажную роль в «открытии» нового вида ограничения свободы сыграло то обстоятельство, данный вид ограничения свободы может быть назначен и нетрудоспособным лицам, в том числе несовершеннолетним, достигшим 14-летнего возраста и совершившим преступление, за которое они подлежат уголовной ответственности. Для указанной категории осужденных при отбывании ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа (на дому), а также для всех осужденных, отбывающих данный вид ограничения свободы и обучающихся на очной (дневной) форме обучения в учреждениях образования (в том числе достигших совершеннолетия) не устанавливается требование обязательного привлечения к труду.

С октября 2006 г. суды начали активно применять новый вид ограничения свободы. По данным судебной статистики уже на конец 2007 г. более 10 тыс. человек было осуждено к наказанию в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, а в 2008 г. из

¹ Закон Республики Беларусь от 9 июня 2006 г. № 12-З.

174 536 осужденных к ограничению свободы около 14 тыс. было осуждено к данному наказанию без направления в исправительное учреждение открытого типа.

К сожалению, введение нового вида ограничения свободы не сопровождалось усилением организационных начал в его исполнении. Осужденные, отбывающие ограничение свободы по месту жительства в сельской местности, вообще оказались вне надзора. Если не считать, что введение данного вида ограничения свободы позволило применять данное наказание к несовершеннолетним и нетрудоспособным как альтернативу лишения свободы, то в целом старые проблемы сохранились. По-прежнему, наблюдается высокий уровень уклонения осужденных от отбывания ограничения свободы.

Нельзя не поставить вопрос о системном соотношении по строгости нового вида ограничения свободы с наказанием в виде исправительных работ. Если не считать продолжительность сроков наказания в качестве элементов кары, то исправительные работы несут в себе более строгую карательную нагрузку, чем ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа. Определенные элементы режима ограничения свободы могут вводиться и для осужденного отбывающего исправительные работы, правда в порядке меры взыскания за нарушение порядка и условий отбывания данного наказания (п. 2 ч. 2 с. 43 УИК), а некоторые являются вообще установленными (см. ст. 9 УИК).

Все-таки, видовая определенность кары ограничением свободы как самостоятельного наказания мыслилось в принудительной «прописке» осужденного на срок отбывания наказания не по месту жительства. В противном случае, это наказание вообще утрачивает свои карательные свойства в качестве самостоятельного наказания.

Обратим также внимание, что система ограничений при отбывании наказания в виде ограничения свободы на дому реализуется и при отсрочке исполнения наказания в виде лишения свободы (ст. 77 УК). Но в этом случае уголовно-исполнительный контроль за соблюдением осужденными таких ограничений *более актуализирован* и мотивационно обеспечен угрозой применения назначенного наказания в виде лишения свободы.

Поэтому есть серьезные основания к тому, чтобы **реорганизовать** ограничение свободы как наказание в иные апробированные формы карательного воздействия. Так, ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа реорганизовать в открытую форму отбывания лишения свободы. Оптимизацию и сокращение применения лишения свободы следует начинать на основе введения открытых форм исполнения и отбывания данного наказания. Такие формы отбывания лишения свободы должны быть основаны на индивидуальной или групповой самоорганизации и самодисциплине осужденного (осужденных) под надзором учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и обязательном трудоустройстве осужденных.

Открытые формы отбывания лишения свободы должны вводиться и применяться в отношении впервые осужденных к лишению свободы за:

- умышленные преступления, не представляющие большой общественной опасности, - после отбытия не менее шести месяцев лишения свободы в исправительной колонии в условиях общего режима;

- менее тяжкие преступления (неосторожные и умышленные), соответственно, после отбытия не менее шести месяцев лишения свободы в исправительной колонии-поселении (возможно, колонии-поселения и должны стать теми исправительными учреждениями, на которые следует возложить организацию исполнения открытых форм отбывания лишения свободы) и одного года в исправительной колонии в условиях усиленного режима;

- тяжкие преступления, не связанные с применением насилия и посягательством на жизнь и здоровье людей, и осужденных к лишению свободы на срок до шести лет, - после отбытия одного года данного наказания в исправительной колонии в условиях усиленного режима (в таких случаях целесообразнее дать перечень соответствующих преступлений, осуждение за которые к лишению свободы является препятствием к применению открытых форм отбывания лишения свободы, в этот перечень не должны включаться и некоторые насильственные преступления, например умышленные менее тяжкие телесные повреждения, хулиганство и др.).

Отбывание лишения свободы в открытом режиме - одна из прогрессивных форм исполнения лишения свободы, которая позволяет рационально и экономно использовать предупредительный и ресоциализационный ресурс данного наказания, одновременно снимая негативные социальные последствия изоляции правонарушителей от общества. Все осужденные, отбывающие лишение свободы в открытом режиме, продолжают числиться (состоять на пенитенциарном учете) за теми исправительными колониями, из которых они были «командированы» для отбывания лишения свободы в открытом режиме. Места отбывания лишения свободы в открытом режиме определяются администрацией исправительного учреждения на основе предварительных заявок и потребностей в рабочих ресурсах и при согласии осужденного работать на предложенных условиях. Осужденные могут направляться для выполнения работ в порядке открытого отбывания лишения свободы на весь период срока наказания или только на часть этого срока с учетом сезонного характера выполняемых работ или ограниченного объема (срока) их выполнения. В последнем случае осужденные могут быть направлены для выполнения работ в иные места на указанных условиях. Не должна исключаться возможность выполнения таковых работ в порядке открытого отбывания лишения свободы и по месту жительства лица до его осуждения.

Решение об открытом режиме отбывания лишения свободы должно приниматься индивидуально в отношении каждого осужденного на основе его личностной социально-психологической оценки и степени готовности (заклучения) выполнить все условия и обязательства, касающиеся порядка и требований отбывания лишения свободы в открытом режиме. На основе

положительного заключения для каждого осужденного с его участием разрабатывается **«задание-обязательство»**, в котором отражаются все условия и порядок открытого отбывания лишения свободы, система ограничений режимного характера, место и характер выполняемых работ, правовые последствия выполнения и невыполнения осужденным условий открытого отбывания лишения свободы. Важнейшим условием открытого отбывания лишения свободы должно стать выполнение осужденным **общественных работ**.

Обязательным элементом открытого отбывания лишения свободы является распространение на указанную форму отбывания наказания правовых последствий осуждения и отбывания лишения свободы с определенными стимулирующими факторами негативного и позитивного характера, а именно:

- период открытого отбывания лишения исчисляется сроком лишения свободы, определенным приговором суда;

- лицо, отбывавшее лишение свободы в открытом режиме, считается ранее осуждавшимся к лишению свободы, а также отбывавшим данное наказание, если оно совершило новое преступление в пределах срока судимости;

- нарушение осужденным, отбывающим лишение свободы в открытом режиме, одного из условий такого отбывания наказания по неизвинительным причинам является безусловным основанием отмены данного порядка исполнения лишения свободы и направления осужденного для дальнейшего отбывания лишения свободы в соответствующую исправительную колонию. При этом в отбытый срок лишения свободы период открытого отбывания лишения свободы в таких случаях засчитывается из расчета два дня открытого отбывания лишения свободы за один день лишения свободы. Аналогичный порядок исчисления должен применяться при определении неотбытой части лишения свободы при совершении осужденным во время открытого отбывания лишения свободы преступления и назначения наказания по совокупности приговоров;

- в отношении осужденных, отбывших лишение свободы в открытом режиме в соответствии с установленным им **заданием-обязательством**, суд по представлению органа внутренних дел или администрации исправительного учреждения с учетом достигнутой степени социальной реабилитации и адаптации осужденного может принять решение об освобождении его от дополнительного наказания, а также о снятии (сокращении срока) судимости.

Введение открытой формы исполнения (отбывания) лишения свободы позволит существенно активизировать социально-реабилитационный аспект применения лишения свободы, используя достаточно высокий карательно-предупредительный (устрашающий) потенциал данного наказания. Государство получит возможность рационально, с пользой для общества и самих осужденных использовать их трудовой ресурс, повысится предметно и функционально ответственность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы (и не только их) за осуществление уголовно-исполнительной политики. Кроме того, открытая форма исполнения лишения

свободы - самая простая в правовом, процессуальном и организационном смысле альтернатива реальному (традиционному) лишению свободы. С учетом допустимого контингента осужденных, в отношении которых может вводиться открытая форма отбывания лишения свободы, это примерно 25-30 % осужденных, отбывающих ныне лишение свободы.

Ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, если не считать сами элементы ограничения свободы поведения осужденного по месту жительства и срок, на который они применяются, то трудно даже специалисту идентифицировать в качестве конкретно-определенного вида (в данном случае подвида) наказания. Осужденный, оставаясь и находясь в привычном для него домашнем и бытовом окружении, сохраняет возможность прямо или косвенно уклоняться от соблюдения этих запретов, учитывая их произвольный и предметно-нефункциональный характер, а самое главное, - отсутствие системного контроля за его поведением. Очень быстро было усвоено - не следует нарушать те режимные обязанности-ограничения, которые связаны с очевидными учетно-контрольными функциями (явка на регистрацию, на работу, выезд за пределы места жительства только с согласия уголовно- исполнительной инспекции).

Наказание ограничением свободы с отбыванием его на дому с учетом его карательного содержания, которое сводится в основном к контрольно-режимным ограничениям, не диссонирует с таким более мягким наказанием как исправительные работы, при отбывании которого для осужденного также устанавливаются определенные ограничения свободы (невозможность увольнения с работы без письменного разрешения уголовно-исполнительной инспекции; обязанность уведомлять инспекцию об изменении места жительства; на срок до трех месяцев может быть установлена обязательная явка осужденного на регистрацию в инспекцию). Более того, карательное воздействие исправительных работ существенно усиливается имущественным компонентом карательного воздействия (ежемесячные удержания из заработка в пределах до 25 %). Поэтому система карательных ограничений, сопровождающих исполнение и отбывание наказания в виде ограничения свободы по месту жительства, должна стать принудительно-обеспечительным комплексом исполнения и отбывания исправительных работ. В этой связи предлагается предусмотреть в качестве самостоятельного наказания «исправительные работы» двух видов - исправительные работы в традиционном виде и исправительные работы с ограничением свободы (усиленный вариант исправительных работ). Усиление карательных свойств исправительных работ за счет введения элементов ограничения свободы усилило бы надзорную функцию за отбыванием данного наказания, расширило бы карательно-предупредительный и исправительный потенциал данного наказания как альтернативы лишению свободы. Одновременно необходимо увеличить срок исправительных работ **с двух до трех лет**, а также предусмотреть, что минимальная сумма ежемесячных удержаний из заработка осужденного не должна быть менее двух базовых величин.

Список литературы:

1. Советская Белоруссия. - 2009. - 25 марта.
2. Советская Белоруссия. - 2008. - 25 марта.
3. Сундуrow, Ф.Р. Ресоциализационная функция уголовного закона и механизм ее реализации // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова и состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова 27-28 мая 2004 г. — М.: ЛексЭст, 2005. - С.560.
4. Шкатуло, И. Что показал анализ практики назначения судами уголовных наказаний // Законность и правопорядок. - 2009. - № 2. - С. 13.
5. См.: Горошко, Ю. Применение альтернативных лишению свободы наказаний в Латвии // Законность и правопорядок. - 2009. - № 2. - С. 30-33.
6. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. - 2006. - № 92. - 2/1219.

Хомич, В.М. Совершенствование уголовной ответственности невозможно без оптимизации системы видов наказания
/ В.М.Хомич // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. трудов. / редкол. : А.В. Барков [и др.] - Минск : БГУФК, 2010.-С.85-100.